ИЗДАТЕЛЬСТВО ГРАМОТА

Филологические науки. Вопросы теории и практики
Philology. Theory & Practice

ISSN 2782-4543 (online)
ISSN 1997-2911 (print)

2025. Том 18. Выпуск 9 | 2025. Volume 18. Issue 9
Материалы журнала доступны на сайте (articles and issues available at): philology-journal.ru

RU

«Ножны» и «ножницы» в русском языке через призму исторической семантики и словообразования

Коренева Ю. В., Косилова О. А.

Аннотация. Целью представленного исследования является установление способа словообразования исторически однокоренных лексем «ножны» и «ножницы» с опорой на анализ их семантического состава и его изменения в истории русского языка. Научная новизна работы заключается в том, что: 1) впервые для двух слов одного исторического корня, до сих пор не становившихся объектом изучения, в синхронно-диахронном ключе установлены сходства и различия их семантического состава; 2) впервые в отношении данных лексем приведены доказательства того, что возможный способ их образования, с опорой на семантическую идею древнего корня и дальнейших структурно-семантических преобразований и в сравнении с другими возможными деривационными путями, – это плюратизация. Полученные результаты исследования показали, что исходная семантика древнего корня ‘острие’ сохраняется в семантической структуре обеих лексем с дальнейшей трансформацией в семантику ‘чехол, футляр’ для слова «ножны» и ‘соединенные ножи’ для слова «ножницы», что сами лексемы в истории русского языка могли быть связаны между собой отношениями словопроизводства, со временем утратив статус однокоренных слов, и что плюратизация в отношении этих слов является наиболее логичным путем их деривации в русском языке, в отличие от суффиксации, субстантивации или компрессивного словообразования.

EN

“Ножны” (sheath) and “ножницы” (scissors) in Russian through the prism of historical semantics and word formation

Y. V. Koreneva, O. A. Kosilova

Abstract. The purpose of the presented research is to determine the word-formation method of the historically related lexemes “ножны” (sheath) and “ножницы” (scissors), based on an analysis of their semantic composition and its changes in the history of the Russian language. The scientific novelty of the work lies in the following: 1) for the first time, the similarities and differences in the semantic composition of the two words of the same historical root, which have not previously been the subject of study, are established in a synchronic-diachronic key; 2) for the first time, evidence is presented in relation to these lexemes that the possible method of their formation, based on the semantic idea of the ancient root and further structural-semantic transformations, and in comparison with other possible derivational paths, is pluralization. The results of the research showed that the original semantics of the ancient root ‘point, sharp edge’ is preserved in the semantic structure of both lexemes, with further transformation into the semantics ‘cover, case’ for the word “ножны” (sheath) and ‘connected knives’ for the word “ножницы” (scissors), that the lexemes themselves in the history of the Russian language could have been related by word-formation relations, having lost the status of cognates over time, and that pluralization in relation to these words is the most logical path of their derivation in the Russian language, in contrast to suffixation, substantivization, or compressive word-formation.

Введение

Трансформация значения и структуры слова в языке – процесс объективный и универсальный, но для каждого языка и для каждого слова отличающийся своими особенностями. Древний корень той или иной однокоренной совокупности слов, давший исходный семантический импульс для развития всего этого словообразовательного древа, в современном языковом сознании может восприниматься носителями языка с разной

Научная статья (original research article) | https://doi.org/10.30853/phil20250568

© 2025 Авторы. © 2025 ООО Издательство «Грамота» (© 2025 The Authors. © 2025 Gramota Publishing, LLC). Открытый доступ предоставляется на условиях лицензии CC BY 4.0 (open access article under the CC BY 4.0 license): https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/

степенью осмысления (подробнее об использовании номинации *древо*, а не *гнездо* в отношении словообразования в диахронии (Камчатнов, 2016, с. 71)). Слова одного и того же древнего корня могут разойтись так далеко, что ни в семантическом, ни в структурном отношении не будут уже походить друг на друга. Такие обстоятельства структурно-семантической дивергенции слов обычно связывают с деэтимологизацией лексической единицы и утратой ею внутренней формы. Понимая данные закономерности и учитывая неизбежность такой дивергенции, все же отметим, что семантический базис слов одного древнего корня в целом, как правило, сохраняется. Вскрывается это, правда, путем специального комплексного анализа, в первую очередь – этимологического. Здесь можно говорить о некоей семантической идее, лежащей в основе древнего корня как отражения когнитивных процессов номинации. Так, к примеру, в хрестоматийном примере этимологически родственных лексем *бык* и *пчела* сохраняется семантическая идея звукоподражания, т. е. номинация возникает по выделяемому, осознаваемому и аффективно воспринимаемому признаку '*производимый данными животными/насекомыми звук*' (ЭССЯ1, 1976, с. 74-76, 147-148).

Актуальность нашей работы в изучении русской словообразовательной системы связана, во-первых, с необходимостью формирования углубленного понимания русской языковой картины мира в ее развитии, во-вторых, с все растущей потребностью понимания закономерностей русского словообразования как явления синхронно-диахронного. Публикации последних лет свидетельствуют о такой тенденции, среди них и сам сайт «Русский Древослов», и коллективная монография (Системные, когнитивно-дискурсивные…, 2024), и статьи, диссертации, рецензии специалистов (Галочкина, 2022; Дронова, 2013; 2014; 2009; Ибатуллина, 2021; Иванова, 2022; Дмитриева, Шинкаренко, 2024; Дмитриева, Янковский, 2017; Камчатнов, Григорьев, Орлова, 2021; Камчатнов, 2022; Крючкова, 2025; 2024; Орлова, 2022; Фадеева, 2025; Шаталова, 2022).

Теоретической базой нашего исследования в указанных рамках послужили прежде всего работы А. М. Камчатнова (2022), Г. А. Николаева (2012), Ю. С. Азарх (1984), Ж. Ж. Варбот (2011) в области исторического словообразования и исторической семантики слов русского языка, а также данные с сайта «Русский Древослов. Историко-словообразовательный словарь русского языка».

Изучение того или иного слова в его системных структурно-семантических связях в рамках синхронно-диахронного подхода приводит к необходимости описания фактического положения этих связей и особенностей сначала в современном русском языке, а затем – в истории языка.

Здесь следует сделать оговорку: вслед за А. М. Камчатновым, который писал, что «синхронное словообразование, какое мы знаем сейчас, в действительности является диахронным» (2016, с. 79-80), мы признаем, что любой акт словообразования уже есть факт истории языка, вопрос просто в периодизации языкового развития. Но, с учетом понимания того, что в современной русистике современный русский язык, особенно в его литературном нормативном оформлении, хронологически отсчитывается примерно с кон. XVIII – нач. XIX в. (хотя этот вопрос до сих пор требует своего отдельного разрешения), а период развития русского языка в его письменной форме охватывает примерно с XI по XVII вв., и это традиционно именуется периодом древнерусского языка (со своей внутренней хронологией) (Виноградов, 1978; Горшков, 1984; Мещерский, 1981; Филин, 1981; Черных, 1956), мы употребляем терминологические номинации *современный русский язык* и *древнерусский язык/период*, опираясь именно на данную традицию.

Материалами исследования послужили прежде всего лексикографические данные русского языка о словах *ножны* и *ножницы* – данные извлечены из Словообразовательного словаря русского языка А. Н. Тихонова (2014), различных толковых словарей современного русского языка (БТС, 2000; ТСРЯ, 1938; ТСОШ) и исторических словарей русского языка (ЭССЯ2, 1999; СДРЯ, 2002; СлРЯ XI-XVII вв., 1986). Также привлечены данные Национального корпуса русского языка для подтверждения или опровержения тезисов о востребованности и частотности исследуемых лексических единиц (НКРЯ), «Словарь русских народных говоров» (1972; 1980; 1986) для выявления группы одноструктурных слов и определения их словообразовательных значений.

Задачи данного исследования обусловливаются поставленной целью: 1) на основе анализа лексикографического материала, извлеченного из исторических и современных толковых словарей русского языка, определить семный состав лексем *ножны* и *ножницы*; 2) выявить семантическое изменение каждой лексемы – пока только по словарным данным – в истории русского языка через анализ их морфемно-словообразовательной структуры и с опорой на этимологические данные; 3) проанализировать структурно-семантические изменения изучаемых лексем и определить возможные способ/-ы словообразования этих лексем в истории русского языка.

Таким образом, в предлагаемом материале используются: 1) общенаучные методы наблюдения, описания и таксономии – при отборе лексикографического материала и его сравнительно-сопоставительного анализа для выявления сходства и различия изучаемых лексем; 2) собственно лингвистические методы: компонентного анализа – при обращении к семному составу изучаемых единиц; структурно-семантического анализа обоих слов в рамках выявления и описания их словообразовательной семантики и морфемного состава с опорой на достижения сравнительно-исторического метода и с учетом количественных данных языка (при обращении к НКРЯ).

Теоретическая значимость предлагаемого исследования обусловливается углублением понимания деривационных процессов в историческом развитии русского языка, в том числе в возможном включении в словообразовательные способы плюратизации (с диахронических позиций), а практическая значимость очевидным образом проясняется в возможности использования полученных результатов в практике изучения и преподавания истории русского языка в целом, исторической семантики и словообразования в частности.

Обсуждение и результаты

В современном русском языке выделяются два словообразовательных древа с корнями *-нож-*, *-ножниц-*, появившиеся вследствие распада, с одной стороны, этимолого-словообразовательной общности с корнем **nьz-* в целом, с другой стороны, одной многочленной словообразовательной ветви, представленной алломорфами *-ноз-*, *-нож-*.

Структурными элементами этих словообразовательных древ являются конкретно-предметные имена *ножны* и *ножницы*, имеющие грамматическое значение только множественного числа, чем обусловлена их парадигматическая ограниченность. Принадлежность рассматриваемых лексем к плюративам исчисляемого типа позволяет не только установить их историческую связь, еще ощутимую на уровне современного восприятия, но и спрогнозировать дальнейший путь их семантического развития, результатом которого, вероятно, станет окончательная утрата общих сем и дальнейшая смысловая дифференциация.

На современном этапе развития русского языка упомянутые лексемы имеют различный деривационный статус: имя *ножны* является дериватом, располагающимся на второй ступени производности с вершиной *нож*, а имя *ножницы* – вершина другого слаборазвернутого древа (Тихонов, 2014, с. 318). Исследуемые нами слова содержат разные денотативные компоненты, что послужило причиной обособления слова *ножницы* и его производных: если лексема *ножны* используется для номинации футляра, предназначенного для хранения колюще-режущих предметов, то *ножницами* называют конкретный колюще-режущий предмет, конструкция которого состоит из двух основных деталей – ножей. При этом в обеих лексемах отчетливо выделяется семантическая составляющая *‘нож, остриё’*, занимающая в семантическом наполнении слов *ножны* и *ножницы* разное положение. В номинации *ножны* рассматриваемая сема выступает средством оформления денотативного компонента, раскрывает его целевое назначение – футляр для хранения исключительно колюще-режущих предметов. Иная ситуация наблюдается в номинации *ножницы*: сема *‘нож, остриё’* представлена в удвоенном виде, имеет внутриденотативный характер, т. е. является составной частью обозначаемого словом предмета. Иначе говоря, один колюще-режущий предмет с его индивидуальным функциональным набором создается на основе двух других таких же предметов.

В отличие от имени *ножницы*, способного к деривационной активности и характеризующегося достаточной частотностью в синхронии (2946 употреблений в основном корпусе по состоянию на 14.08.2025 (НКРЯ)), слово *ножны*, по данным словаря А. Н. Тихонова (2014, с. 318), является последним звеном деривационной цепочки с вершиной *нож*, что может свидетельствовать о его словообразовательной замкнутости в современном употреблении и не очень высокой частотности (1278 употреблений по состоянию на 14.08.2025 в основном корпусе (НКРЯ)). Помимо этого, в некоторых современных толковых словарях (БТС, 2000, с. 655; ТСРЯ, 1938, с. 591; ТСОШ) данная лексема фиксируется с пометой «устаревшее», что указывает на нерегулярность употребления и, как следствие, снижение востребованности лексемы *ножны* в современном употреблении. Постепенная архаизация *ножны* на современном этапе развития русского языка может быть обусловлена бытованием в языке семантически более универсальных и регулярно употребляемых лексем, подходящих для именования любого предмета, используемого с целью хранения чего-либо: например, *чехол*, *футляр* и т. п.

Данные исторических словарей русского языка позволяют говорить о структурно-семантических особенностях сравниваемых слов с диахронических позиций. Так, в Словаре русского языка XI-XVII вв. (1986, с. 419-420) лексемы *ножны* (*ножни*) и *ножницы* (*ножници*, *ножницѣ*) фиксируются в двух значениях *‘ножны, футляр для ножей, мечей, сабель’*, *‘ножницы’*. В Словаре древнерусского языка XI-XIV вв. (2002, с. 429) отмечается еще одна семема для слова *ножьницѣ* *‘серп луны’*, имеющая переносный характер и образованная путем семантической деривации через метафоризацию по внешней форме второго основного значения. Иначе говоря, форма астрономического объекта (полумесяца) сравнивается с ножницами, имеющими две заостренные составные части. Как мы видим, в диахронии лексемы *ножны* и *ножницы* имеют аналогичные семантемы, соответственно, по двум ведущим непроизводным семемам исследуемые полисеманты в древнерусский период выступают абсолютными синонимами, при этом в смысловой структуре имени *ножницы* на основе второго значения развивается третья переносная семема, отсутствующая в составе семантемы имени *ножны*, что может быть показателем более частотного употребления лексемы *ножницы* во втором значении, нежели в первом.

В исторических словарях русского языка отсутствует фиксация формы слов *ножны* и *ножницы* в единственном числе, в связи с чем при выявлении первичной семантики рассматриваемых плюративов, при определении роли закрепленного за ними грамматического значения pluralia tantum целесообразно восстановление их исконных числовых парадигм на основе анализа структурно-семантических особенностей лексем *ножны* и *ножницы* в других славянских языках. При обращении к материалам «Этимологического словаря славянских языков» (1999, с. 26-29) мы выявили, что рассматриваемые лексемы имели/имеют морфологическую форму единственного числа женского рода в разных славянских языка: словен. *nóžna*, чеш. (устар.) *nóžna*, н.-луж. *nóžna*, польск. (устар.) *nóżnia* и т. п.; укр. *ножні* ‘*ножницы*’, блр. *ножні* ‘*ножницы*’ цслав. *ножьница,* болг. *ножница,* макед. *ножница*, сербохорв. *ножница* и т. п. Соответственно, лексемы *ножны* и *ножницы* с флексией *-ы*, зафиксированные в древнерусском словарном материале как начальные формы со значением pluralia tantum, следует признать вторичными, вытеснившими первичные формы единственного числа *ножна*, *ножница*.

Отметим, что грамматическое расхождение словоформ сопровождается различием их семантического наполнения: формам единственного числа свойственна семантика *‘футляр для ножа’*, а формы множественного

числа фиксируются в значении *‘ножницы’*. Как известно, при числовом словоизменении конкретно-предметного имени существительного его семантическая структура остается неизменной, трансформируется лишь грамматическая семантика, что проявляется в изменении количественной характеристики обозначаемого словом предмета за счет включения «подвижной» граммемы парности или множественности, формальным показателем которой выступает флексия: *ног/а* ‘*одна нога*’ – *ног/ы* ‘*более двух ног*’ – *ноз/*ѣ ‘*две ноги*’.

Исследуемые нами лексемы *ножны*, *ножницы* в другом числовом значении не только приобретают грамматический признак парности или множественности, но и теряют первоначальную семантику, закрепленную за исходной формой единственного числа с окончанием *-а*, используются для номинации другого объекта действительности, что обычно характерно для существительных иных лексико-грамматических разрядов типа *земля* ‘*вещество*’ – *земли* ‘*территории*’. Как указывает Ю. С. Азарх, «у слов, совмещающих в ед. числе вещественное и пространственное значения, во мн. числе актуализируется последнее с дополнительным модификационным значением протяженности. Подобные словоформы мн. числа близки к словообразовательным» (Азарх, 1984, с. 165). Эта же мысль отзывается в словах Ж. Ж. Варбот, что «существенными факторами функциональных преобразований аффиксальных словообразовательных моделей являются **развитие семантики соответствующих производных образований** (выделено авторами статьи. – *Ю. К., О. К.*) и продуктивность моделей в их первичных функциях, способствующая акцентированию семантики производных при уменьшении роли частеречных характеристик, а затем и семантики производящих слов» (2011, с. 25).

Помимо этого, бытование этих словоформ в истории русского языка подтверждается содержанием Никоновской летописи, демонстрирующей функционирование формы единственного числа в значении ‘*футляр для ножа*’, и в старорусский период, что указывает на длительный процесс семантической дивергенции лексем *ножницы* и *ножны* и позднюю утрату ими числовых коррелятов с граммемой единичности: «Аще не бы самъ святитель Божій вопль уставилъ, подражая учителя своего Христа, внегда къ Петрови рече: вонзи ножь свой в <u>*ножницу*</u>» (НКРЯ, старорусский корпус, 1526-1530).

Семантическая неоднородность числовых коррелятов свидетельствует об особой грамматико-словообразовательной функции конечной морфемы *-ы* в формах множественного числа: с одной стороны, морфема *-ы* служит средством грамматического оформления слова, выражает значение pluralia tantum с признаком нерасчлененности, выступая в роли флексии, с другой стороны, способствует трансформации семантического наполнения слова, содержит в себе мутационное словообразовательное значение ‘*двусоставное орудие труда*’, выступая в роли дериватора. При этом грамматическое и словообразовательное значения являются взаимодополняющими: форма множественного числа закономерна для лексемы, содержащей в своей смысловой структуре сему многосоставности.

В результате плюратизации, или присоединения к производящей основе суффлекса *-ы* (на сайте Историко-словообразовательного словаря в п. 42.11. в разделе «Способы словообразования» говорится о суффлексации (Русский Древослов)), дериват приобретает новую конкретно-предметную семантику ‘*ножницы*’, наследуя у производящего слова не денотативный компонент ‘*футляр, вместилище*’, а семантический признак ‘*относящийся к ножу*’, что указывает на наличие у исследуемого суффлекса словообразовательного значения мутационного типа, который «устанавливается в таких дериватах, которые по выражаемому ими понятию радикально отличаются от производящего слова» (Лекант, 2018, с. 207).

Следовательно, лексемы *ножьна* и *ножьны* можно рассматривать не как формы одного и того же слова различной числовой принадлежности, а как словообразовательную пару, в которой слово с грамматическим значением множественности представляет собой дериват, образованный плюративным способом. В словарном материале зафиксирована и форма двойственного числа *ножьниц*ѣ, в которой флексия -ѣ выполняет и формообразующую, и словообразующую функции, так как слово в этой форме фиксируется в переносном метафорическом значении. Отметим, что слово *ножьны* в форме двойственного числа (**ножьн*ѣ *‘ножницы’*) с мутационной семантикой не зафиксировано в упомянутом лексикографическом материале.

В исторических словарях русского языка лексемы *ножьны* и *ножьницы* фиксируются как многозначные плюративы, употребляющиеся в значениях ‘*футляр для ножа*’, ‘*ножницы*’, что может быть объяснено как их грамматической омонимией, так и вхождением этих лексических единиц в одно этимолого-словообразовательное древо. Можно предположить, что наряду с представленными выше дериватами *ножьны*, *ножьницы*, *ножьниц*ѣ, имеющими значение ‘*ножницы*’ и образованными посредством плюратизации, слова *ножна*, *ножница* в значении ‘*футляр для ножа*’ имели исторически закономерные числовые корреляты множественного и двойственного числа, семантически тождественные начальным формам единственного числа: *ножьна*, *ножьница* ‘*один футляр*’ – *ножьны, ножьницы* ‘*более двух футляров*’ – *ножьнѣ, ножьниц*ѣ ‘*два футляра*’. В таком случае проявляется грамматическая омонимия: парадигматически ограниченные плюративы *ножьны* и *ножьницы* в значении ‘*ножницы*’ формально совпадают с грамматическими формами множественного числа лексем *ножьна* и *ножьница* ‘*футляр для ножа*’, имеющими трехкомпонентную числовую парадигму. Соответственно, в первом случае конечная морфема является суффлексом, а во втором – флексией, выполняющей только формообразующую функцию.

Итак, один из возможных способов образования слов *ножьны* и *ножьницы* – плюратизация.

Можно указать – с точки зрения исторического словообразования – еще два пути появления слова *ножьна/ножьны*:

1. От производящего *ножь* посредством суффиксации: *ножь* → *нож/ьн/ы*. «Рассматривая лексему *нож/ьн/ы* в первом значении, мы можем сделать вывод, что суффикс *-ьн-* имеет словообразовательное значение *‘место*

хранения или расположения предмета, названного производящей основой', являющееся распространенным при образовании субстантивов с данным аффиксом (например, *лыж/н/я*). Однако если рассматривать имя *ножьны* в значении *'ножницы'*, использование словообразующего суффикса *-ьн-* можно признать уникальным, так как в данном случае упомянутый аффикс образует дериват, обозначающий инструмент, состоящий из двух предметов (ножей), названных производящей основой» (Коренева, Косилова, 2025, с. 197). Отметим, что в Историко-словообразовательном словаре русского языка (Русский Древослов) не дано примеров, демонстрирующих наличие у суффикса *-ьн-* подобного словообразовательного значения, ввиду чего следует предположить двухступенчатый путь возникновения деривата *ножьны* в значении *'ножницы'*: *ножь → нож/ьн/а* (суффиксация) → *ножьн/ы* (плюратизация). На первом этапе осуществляется присоединение к производящей основе суффикса *-ьн-* со словообразовательной семантикой '*место хранения предмета*', в результате чего образуется дериват в значении '*футляр для ножа*' с исходной формой единственного числа. На втором деривационном этапе морфемный состав слова осложняется суффлексом *-ы*, вследствие чего образуется второй член данной словообразовательной цепочки – дериват в значении '*ножницы*' с исходной формой множественного числа.

2. Образование существительных в результате субстантивации краткого имени прилагательного *ножьнъ* в различных словоизменительных формах. Застывшие формы прилагательного используются с целью наименования предметов по признаку, заложенному в основе производящего имени прилагательного: *ножьнъ* '*относящийся к ножу*' → *ножьна* '*предмет, предназначенный для хранения ножей*', *ножьны* '*разновидность колюще-режущего предмета, состоящего из двух ножей*'. При морфолого-синтаксическом способе словообразования (конверсии) семантическая деривация производится на базе двух продуктивных метонимических моделей, чем обусловлено появление субстантиватов с грамматическим признаком нерасчлененности как в форме единственного числа (*ножьна*), так и в форме множественного числа (*ножьны*): модель «содержимое → вместилище» (при значении '*футляр для ножа*'), модель «материал → предмет, состоящий из этого материала» (при значении '*ножницы*'). Помимо этого, субстантивации могла быть подвергнута только словоформа женского рода единственного числа *ножьна*, от которой плюративным способом образовался дериват *ножьны* с семантикой '*ножницы*', чем объясняется принадлежность производного имени к разряду pluralia tantum.

Для деривата *ножьница/ножьницы* помимо плюратизации можно предположить следующие способы образования:

1. <u>Суффиксация.</u> При образовании от производящей адъективной основы *ножьн/ъ* суффиксальным способом (*-иц-*) лексема *ножьница* в значении '*футляр для ножа*' приобретает типичное для форманта *-иц-* словообразовательное значение '*вместилища, имеющего названный производящей основой признак*', присущее также ряду одноструктурных слов типа *лечебн/иц/а*, *сахарн/иц/а*, *темн/иц/а* и т. п., что так же подтверждается и диалектным материалом (СРНГ1, 1972; СРНГ2, 1980; СРНГ3, 1986), суффикс *-иц-* обладает продуктивностью при производстве предметных имен, относящихся к разряду pluralia tantum, что указывает на содержание признака множественности и/или парности не только во флексии производных единиц, но и в семантической структуре исследуемого дериватора. Примечательно, что Ю. С. Азарх подробно не анализирует словообразовательные особенности конкретно-предметных имен существительных, в поле внимания исследователя находится словообразовательная структура собирательных, вещественных и абстрактных имен, при анализе которых она отмечает рассматриваемый нами суффикс *-иц-* как регулярно используемый при образовании слов pluralia tantum: «Плюративы со значением собирательности <…> образуются с помощью суффиксов, не являющихся показателем грамматического рода и типа словообразовательного значения: -(о)к-<-ък-, -ин-, -н-<-ьн-, -иц-» (1984, с. 162). Рассматривая суффиксальный способ образования для лексемы *ножьницы* в значении '*ножницы*', следует отметить, что закрепление за ней граммемы pluralia tantum обусловлено полисемантичностью словообразовательного форманта. Многозначный суффикс *-иц-* здесь имеет деминутивное значение, указывающее на небольшой размер, миниатюрность не обозначаемого словом предмета (ножниц), а отображенных в корне слова составных частей этого предмета (ножей). Бытование на различных территориях таких конкретно-предметных плюративов, как, например, *дупленицы* '*рукавицы*' *(Костром.)* (СРНГ1, 1972, с. 260), *кушаницы* '*вязаные шерстяные варежки*' *(Перм.)* (СРНГ2, 1980, с. 195), *ноговицы* (имеет объемную семантему и используется для обозначения различных видов парносоставной одежды) (СРНГ3, 1986, с. 264-265) и т. п. свидетельствует о широкой валентности суффикса *-иц-* и флексии *-ы*, которые взаимодополняют друг друга, способствуют актуализации семы парносоставности, заложенной в семантике деминутива *-иц-*.

2. <u>Дериват *ножьница* как результат компрессивного словообразования.</u> В «Этимологическом словаре славянских языков» упоминается следующая версия возникновения лексемы **nožьnica*: «Производное с суф. *-ica* от **nožьna/*nožьn'a/*nožьnĕ/*nožьny* (предполагается семантическая конденсация сочетания *ножова хатка*)» (1999, с. 27-29). Отмеченное в лексикографическом материале выражение *ножова хатка* семантически идентично лексеме *ножьница* в форме единственного числа, так как использовалось для номинации чехла для ножа. Как указывает Г. А. Николаев, «в памятниках церковного содержания универбаты (морфемные и семантические) использовались для названия служб, проводимых в церкви в разное время суток» (2012, с. 246). В качестве примера морфемного универбата исследователь приводит лексему *вечерьница*, возникшую из сочетания *вечерьняя служьба*. «В связи с развитием деловой письменности появятся новые модели универбации <…>, и в морфемной универбации будет участвовать тот же суффикс *-ица*» (Николаев, 2012, с. 247). Как мы видим, в истории русского языка данный суффикс используется в словопроизводстве универбатов, однако от рассматриваемой нами синтагмы *ножова хатка* закономерно образование универбата **ножовица*,

унаследовавшего от производящей адъективной основы суффикс *-ов-*. Соответственно, если рассматривать имя *ножьница* как морфемный универбат, входящее в мотивирующее словосочетание зависимое слово должно включать имя прилагательное с суффиксом *-ьн-*, в связи с чем рассмотренная версия словообразования имени *ножьница* представляется нам маловероятной.

В истории русского языка слова *ножны* и *ножницы*, являясь элементами одного этимолого-словообразовательного древа, претерпели структурно-семантические преобразования, связанные с разрушением их внутренней формы. Это привело к тому, что в современной языковой картине мира эти слова, в своем денотате связанные с соответствующими предметами, не мыслятся как однокоренные и семантически близкие. При этом в их семантической структуре все же сохраняется исходная идея древнего корня. Словообразовательные же особенности данных слов показывают, что в историческом развитии языка для них возможно несколько способов словообразования: плюратизация, компрессивное словообразование (или универбация), субстантивация (как часть конверсивного словообразования) и суффиксация.

Заключение

Таким образом, мы приходим к следующим выводам:

1. На основе анализа лексикографического материала слова *ножны* и *ножницы* одного этимолого-словообразовательного древа от праславянского корня **-nьz-* в современном русском языке не могут быть признаны членами одной словообразовательной парадигмы и одного словообразовательного древа, так как прошли долгий путь структурно-семантической дивергенции, связанной с трансформацией внутренней формы каждого слова и его деэтимологизацией, что подтверждено нами при анализе семного состава этих единиц.

2. Различные причины утраты словом *ножны* своей частотности и развитие словообразовательных связей слова *ножницы* в своем словообразовательном развитии также подтверждают их семантическое и структурное расхождение. Материалы исторических и современных словарей, использованных в нашем исследовании, позволяют выявить семантическое изменение каждой лексемы, претерпевшей и структурные изменения.

3. Анализ таких структурно-семантических изменений позволил с позиций диахронического подхода к языку прийти к заключению, что плюратизация как способ словообразования представляется в отношении данных слов наиболее вероятным путем их появления в языке, в отличие от суффиксации, субстантивации или компрессивного словообразования.

Для более детального описания «работы» плюратизации в соединении с суффиксацией либо отдельно от нее, на фоне ли или совместно с конверсией или без нее требуются, конечно же, дополнительные исследовательские данные. Не претендуя на окончательность своих выводов в исследовании сходств и различий слов *ножны* и *ножницы* в рамках структурно-семантической общности всех слов праславянского корня **-nьz-*, укажем, что современное значение этих слов все же определенным образом сохраняет в историческом корне каждого из них одну и ту же исходную смысловую идею.

И в этом отношении перспективами исследования видятся прежде всего дальнейшее изучение семантической дивергенции лексем *ножны* и *ножницы* в развитии русского языка, изучение функционирования этих лексем как элементов одного словообразовательного древа в текстах разных типов, что позволит уточнить семантические трансформации этих слов в историческом развитии, дальнейшая разработка всего древа в синхронно-диахронном ключе и формирование этого древа с описанием каждой единицы и ее способа словообразования в истории русского языка по образцу материалов Древослова.

Материалы исследования | Research materials

1. Большой толковый словарь русского языка / под ред. С. А. Кузнецова. СПб.: Норинт, 2000 (БТС).
2. Национальный корпус русского языка. https://ruscorpora.ru (НКРЯ).
3. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. https://slovarozhegova.ru (ТСОШ).
4. Словарь древнерусского языка (XI-XIV вв.): в 10 т. / гл. ред. Р. И. Аванесов. М.: Русский язык, 2002. Т. 5 (СДРЯ).
5. Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф. П. Филин. Л.: Наука, 1972. Вып. 8 (СРНГ1).
6. Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф. П. Филин. Л.: Наука, 1980. Вып. 16 (СРНГ2).
7. Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф. П. Филин. Л.: Наука, 1986. Вып. 21 (СРНГ3).
8. Словарь русского языка XI-XVII вв. М.: Наука, 1986. Вып. 11 (СлРЯ XI-XVII вв.).
9. Тихонов А. Н. Новый словообразовательный словарь русского языка для всех, кто хочет быть грамотным. М.: АСТ, 2014.
10. Толковый словарь русского языка: в 4 т. / под ред. Д. Н. Ушакова. М.: Государственное изд-во иностранных и национальных словарей, 1938. Т. 2 (ТСРЯ).
11. Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд / под ред. О. Н. Трубачева. М.: Наука, 1976. Вып. 3 (ЭССЯ1).
12. Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд / под ред. О. Н. Трубачева. М.: Наука, 1999. Вып. 26 (ЭССЯ2).

Источники | References

1. Азарх Ю. С. Словообразование и формообразование существительных в истории русского языка / отв. ред. Р. И. Аванесов, В. В. Иванов. М.: Наука, 1984.
2. Варбот Ж. Ж. О функциональных преобразованиях словообразовательных моделей в истории языка // Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. 2009-2011: сборник научных трудов / отв. ред. Т. И. Вендина. М.: Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 2011.
3. Виноградов В. В. История русского литературного языка: избранные труды. М.: Наука, 1978.
4. Галочкина Т. А. История этимологического гнезда с праславянским корнем *leip- в русском языке XI-XVII вв.: дисс. ... к. филол. н. М., 2022.
5. Горшков А. И. Теория и история русского литературного языка. М.: Высшая школа, 1984.
6. Дмитриева О. И., Шинкаренко В. В. Слова на благо- в исторической динамике языка // Межрегиональные Пименовские чтения. 2024. № 21.
7. Дмитриева О. И., Янковский О. И. Синхронно-диахронный анализ словообразовательных гнезд глаголов движения (на примере корневых морфем -ход-, -ид-, -шед-) // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2017. Т. 159. № 5.
8. Дронова Л. П. Методика диахронического исследования и когнитивный подход к языку // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2013. № 2 (22).
9. Дронова Л. П. Методика диахронического исследования и когнитивный подход к языку. Статья вторая // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2014. № 2 (28).
10. Дронова Л. П. Синхрония и диахрония: отложенная встреча // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2009. № 3 (7).
11. Ибатуллина Е. А. Этимологическое гнездо *dhu-h/s- в истории русского языка: реконструкция, структурно-семантический, исторический и культурологический комментарии: дисс. ... к. филол. н. Уфа, 2021.
12. Иванова Е. Н. Параллельное словообразование в историческом гнезде с праславянским корнем *pei- poi- // Лингвистические разыскания / под общ. ред. А. В. Григорьева. М.: Московский педагогический государственный университет, 2022.
13. Камчатнов А. М. Введение в изучение русского исторического словообразования. М., 2022.
14. Камчатнов А. М. Понятие словообразовательного отношения в историческом освещении // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2016. № 1 (63).
15. Камчатнов А. М., Григорьев А. В., Орлова А. В. «Историко-словообразовательный словарь русского языка “Русский Древослов”» как новый лексикографический интернет-проект // Вестник Бурятского государственного университета. Филология. 2021. № 3.
16. Коренева Ю. В., Косилова О. А. Структурно-семантическое описание дериватов с корнем -нож- в истории русского языка // Русский язык в славянской межкультурной коммуникации: сб. научных трудов. М.: Государственный университет просвещения, 2025.
17. Крючкова О. Ю. Взаимодействие фузионных и агглютинативных тенденций в аффиксальных композициях редупликационного типа (на материале русского языка) // Труды института русского языка им. В. В. Виноградова. 2025. № 1. https://doi.org/10.31912/pvrli-2025.1.23
18. Крючкова О. Ю. Синхронно-диахронный анализ усложненных суффиксальных формантов как методика их изучения // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2024. № 2. https://doi.org/10.55959/MSU0130-0075-9-2024-47-02-13
19. Лекант П. А. Современный русский язык. Изд-е 5-е. М.: Юрайт, 2018.
20. Мещерский Н. А. История русского литературного языка. Л.: Изд-во ЛГУ, 1981.
21. Николаев Г. А. Универбаты и субстантиваты в истории русского словообразования // Творба речи и њени ресурси у словенским језицима. Зборник радова са четрнаесте међународне научне конференције Комисије за творбу речи при Међународном комитету слависта. Главни уредник Рајна Драгићевић. Белград: Филолошки факултет, 2012.
22. Орлова А. В. Лексико-семантическое поле «клятва» и способы его репрезентации в русском языке XI-XVII вв.: дисс. ... к. филол. н. М., 2022.
23. Русский Древослов. Историко-словообразовательный словарь русского языка. http://www.drevoslov.ru
24. Системные, когнитивно-дискурсивные и синхронно-диахронные аспекты деривационных процессов в русском языке: монография / отв. ред. Е. В. Петрухина, В. И. Теркулов, О. Ю. Крючкова. М.: Издательство Московского университета, 2024.
25. Фадеева Т. М. Рецензия на коллективную монографию: системные, когнитивно-дискурсивные и синхронно-диахронические аспекты деривационных процессов в русском языке. М.: Издательство московского университета, 2024. 322 с. // Отечественная филология. 2025. № 2.
26. Филин Ф. П. Истоки и судьбы русского литературного языка. М.: Наука, 1981.
27. Черных Л. Я. Очерк русской исторической лексикологии: Древнерусский период. М.: Изд-во Московского университета, 1956.
28. Шаталова О. В. Проблема изучения этимологического гнезда // Вестник Государственного гуманитарно-технологического университета. 2022. № 2.

Информация об авторах | Author information

RU

Коренева Юлия Викторовна[1], д. филол. н., доц.
Косилова Ольга Александровна[2]
[1, 2] Государственный университет просвещения, г. Москва

EN

Yuliya Viktorovna Koreneva[1], Dr
Olga Aleksandrovna Kosilova[2]
[1, 2] State University of Education, Moscow

[1] *yukor74@mail.ru,* [2] *olgakosilova128@gmail.com*

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 21.08.2025; опубликовано online (published online): 29.09.2025.

Ключевые слова (keywords): способы словообразования; исторически однокоренные лексемы; способы плюратизации; структурно-семантические преобразования; word-formation methods; historically related lexemes; methods of pluralization; structural-semantic transformations.